

Юрий Христинин

**У самого
края**

Юрий Христинин

У самого края

<https://litres.ru/72302713>

SelfPub; 2026

Аннотация

Повесть в стиле советского детективного жанра о расследовании убийства, случившегося в провинциальном городке и получившим всесоюзный охват, милицейской бригадой, женщиной-криминалистом и следователем прокуратуры.

В основу положены реальные события, имеющие место в середине 1970-х на Ставрополье.

Юрий Христинин

У самого края

От автора

Преступление, о котором пойдет речь в предлагаемой читателю повести, произошло полтора десятилетия назад в одном из городов Ставропольского края. Тогда же, как говорится, по горячим следам, мною был написан и опубликован в журнале «Советская милиция» очерк «Ползунки», в котором были названы подлинные имена и фамилии всех действующих лиц. Однако, и сам объем журнальной публикации, и целый ряд соображений иного характера не позволили в то время рассказать подробно о сложной и кропотливой работе сотрудников милиции и прокуратуры.

В настоящей повести фамилии изменены, а биографии героев не всегда соответствуют биографиям реальных прототипов. Вот почему автор просит не отождествлять героев повести с конкретными людьми, принимавшими участие в операции с условным названием «Ползунки».

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ИНСПЕКТОРА

Знойный усталый день клонился к вечеру. На дворе – лето, но у меня в кабинете достаточно прохладно, и я даже не снимаю пиджака. Добился подобного эффекта неизвестный мне зодчий, соорудивший наше здание еще на рубеже века

нынешнего и века минувшего. Стены при этом он соорудил такой толщины и мощности, что сравнить их можно разве что со стенами знаменитого Петропавловского рavelина...

До конца работы – всего несколько минут, и я уже ощущаю неприятную усталость, которую всегда вызывает у меня слишком долгая непрерывная работа с бумагами. Желая чуть-чуть развлечься, я встаю и подхожу к распахнутому настежь окну. Там, на противоположной стороне улицы, солнце просто неистовствует: я вижу, как острые каблуки проходящих женщин оставляют глубокие следы на размягченном асфальте, который почти плывет навстречу людям.

Хорошо бы сейчас употребить бутылочку холодненького нарзана, но, как я вижу, находящийся рядом с нами магазинчик под многообещающим названием «Источник здоровья» опять, по традиции, закрыт. Вот уж если есть на свете совершенно необязательная работа, то она, несомненно, у хозяев этого самого источника, которые, по моим наблюдениям, трудятся никак не более двух недель в месяц. В остальное время на двери магазинчика минеральных вод неизменно висят со вкусом выполненные разноцветной тушью на листах белого высококачественного картона надписи, набор которых весьма разнообразен: «Санитарный день», «Ушла в контору», «Воды нет», «Прием товара», «Ревизия», «Заболела», «На собрании» и даже просто – «Буду через полчаса».

Один раз я вправду простоял у дверей злополучного магазинчика с полчаса, понадеявшись на истинность сообщаем-

мых табличкой сведений, но никто за дверями так и не появился, дабы утолить мою жажду.

Сейчас, как и тогда, я вновь не на шутку задумался: из каких таких глубоко тайных соображений руководство торгога позволяет изо дня в день бездельничать двум своим откормленным толстым тетям, не забывая, по всей вероятности, регулярно выплачивать им при всем при этом зарплату? Родственницы ли они директору или даже самому старшему товароведу? Шьют ли они свои крупногабаритные платья у одной портнихи с женой начальника управления торговли? Или просто-напросто директор вкупе со старшим товароведом не в состоянии навести в своем хозяйстве элементарный порядок?

От подобных не слишком веселых мыслей меня отрывает телефонный звонок. Снимаю трубку и слышу:

– Привет великому человеку!

– Он вышел, – отвечаю, – в кабинете я пока один. что прикажете ему передать?

Капитан Зайцев – а я сразу узнал голос своего однокашника еще по Академии МВД – весело хохочет в трубку, словно бы услышал невесть какую прекрасную остроу. Толя вообще относится к той категории людей, которые всегда готовы смеяться, был бы к тому хотя бы незначительный повод. Но парень он – воистину замечательный, и я очень дорожу его дружбой, несмотря на некоторую разницу в года и званиях.

Потому и решаю, учитывая, что рабочий день уже все-та-

ки кончается, немножко позабавить коллегу.

– Анекдот слышал?

– Нет! – мгновенно умолкает, как, впрочем, и всегда при подобном вопросе, капитан. – А новый?

– Ага! – нагло вру я. – Две минуты назад рассказали самому.

Толик на другом конце провода восторженно щелкает языком – он весь в предвкушении скромного удовольствия.

– Ты слушаешь?

– Он еще спрашивает!

– Так вот. Русский в Париже. Посетил определенное заведение, повстречался с дамой, для которой любовь – основная профессия. Утром только она с ужасом узнает, что он – русский. Падает обнаженная перед ним на колени и со слезами говорит: «Мистер русский, я хорошо знаю, какой строгости взаимных расчетов вы достигли в процессе своей перестройки! Потому и умоляю вас: заплатите мне, пожалуйста, не через инвестиционный кооперативный банк, а наличными!»

Толик хохочет долго, и, наверное, даже вытирает при этом своим безразмерным платком выступившие на глазах слезы. Потом он на всякий случай, видимо в знак благодарности, рассказывает мне о том, что как раз эта самая система строгих взаимных расчетов, о которых парижанка оказалась столь наслышана, пока еще нередко дает сбои: опять в одном из колхозов наняли для работы бригаду шабарей – строить коровник, выдали им на руки восемнадцать тысяч целковых

самыми что ни на есть наличными деньгами, ну а после...

– Впрочем, – оптимистично заканчивает он свой рассказ, – этого к делу, по которому я звоню тебе, приобщать ни в коей мере не следует!

– Неужели у тебя и вправду есть ко мне какое-то дело? – разыгрываю я полнейшее удивление. – И какое же?

– На редкость серьезное! У меня, знаешь ли, сегодня день рождения!

– О! Поздравляю, старина!

– Спасибо. Но у меня совершенно случайно оказалась целая бутылка какого-то знаменитого арабского коньяка, хотя лично я никогда ничего подобного даже не видел. А ты?

– Я тоже.

– Вот и хорошо! Сегодня после работы заскочим ко мне домой, Милу я уже предупредил. Отправимся скоро?

– Ты же знаешь, – не слишком активно отбиваюсь я, – не люблю я ходить в гости.

– Знаю, – почувствовав нерешительность моих возражений, капитан мгновенно переходит в атаку. – Тебе бы все в кафе просиживать, или в ресторане! Все вы такие, закостенелые холостяки! А тебя ведь как порядочного приглашают – домой! Доверяют, можно сказать, верят в тебя. Арабский коньяк предлагают!

– Ну, как видно, делать нечего, – отступаю я на заранее подготовленные позиции. – Разве что арабский, чтобы не обидеть страны Ближнего Востока... Только имей в виду: я

не какой-нибудь тебе алкоголик! Посмотреть на диковинку – посмотрю, а пить, если не уговоришь, и не стану.

– Ладно, посмотрим, – снова хохочет Зайцев. – Знаем, как вы не играете в шахматы... вместе на бутылку посмотрим, а выпить поручим Милке. Ей отдадим. По рукам, значит? Только ты позвони, как выходить вздумаешь. Я тебя внизу буду ждать. Лады?

– Лады...

И он, действительно, ждет меня внизу. К сожалению, не один: у стола дежурного по управлению стоит растерянная и расстроенная женщина лет пятидесяти. Она что-то довольно громко и бессвязно втолковывает дежурному офицеру, постоянно шмыгая при этом носом и ежеминутно поднося к глазам скомканный и уже влажный платок, черный от пролитых слез, смешавшихся с тушью для ресниц. Зайцев стоит с ними рядом, недовольно хмурится: что-то тут, увы, не так, надо, наверное, подождать. Не подходя к столу – сам терпеть не могу, когда в мои дела вмешиваются посторонние! – усаживаюсь в стоящее в стороне глубокое и неудобное кресло для посетителей: оно настолько низко. Что кажется, будто сидишь на полу.

Тем временем голос женщины все усиливается, она порою переходит даже на крик, ее душат слезы.

Должен сказать, что все вышеназванное – явление в наших стенах не такое уж и редкое, и я продолжаю прозябать в кресле с чистой совестью, от безделья внимательно разгля-

дывая лепное украшение, ограждающее люстру на потолке.

Дежурный – я слышу это по звону стекла – наливает для посетительницы из графина в стакан воду, а Анатолий подходит ко мне.

– Понимаешь, старина, – с виноватым видом говорит он. – Эта вот женщина случайно подвернулась... Некстати так, но, может, ты тоже послушаешь, о чем она говорит? Право же, рассказ довольно-таки любопытный.

– Решил напоить соловья баснями? – ядовито интересуюсь я. – Это ты мне предлагаешь взамен коньяка? Хвалю за находчивость и восхищаюсь: для тебя подобный вариант проведения вечера будет стоить намного дешевле предыдущего.

Мы подходим к столу. Дежурный поднимается, сдержанно указывает посетительнице рукой в мою сторону:

– Успокойтесь же, ради бога, гражданочка! И не откажите в любезности повторить весь ваш рассказ заново. Только не так длинно, в самых кратких словах. Здесь вот подошел заместитель начальника управления уголовного розыска товарищ Нечаев, он тоже интересуется вашим делом.

Дежурный неправ. Я вовсе не интересуюсь.

Но предлагаю: она только сейчас побывала в одном из районных отделов милиции, где, разумеется, отказались – и есть же на свете такие нечуткие люди! – принять самые срочные, самые неотложные меры к усмирению ее подгулявшего мужа, погубившего ей жизнь и дерзко укравшего ее молодость.

Теперь вот она и примчалась в управление в двумя жалобами сразу – на мужа, и, уж заодно, на милицию.

Женщина снова подносит к глазам платок, прерывисто переводит дыхание:

– Прямо не знаю, с чего и начать...

Я победно смотрю на дежурного и участливо подсказываю:

– С того самого момента, как вы пришли в милицию. В чем конкретно она отказалась вам помочь?

В глазах дежурного мелькает нескрываемое удивление: во дает, дескать, товарищ подполковник!

Но женщина не в состоянии разделить его чисто профессионального восторга, она просто кивает головой.

– Да, в милицию, – подтверждает она почти безразличным усталым голосом. – А они там только что надо мной не посмеялись. Вот я и пришла к вам, к начальству. Я же чувствую, знаю: случилось что-то очень плохое...

Она вскакивает и немедленно ударяется в слезы. Мы усаживаем ее, снова даем воды.

– Ну, – спрашиваю я, – так что же было дальше?

И она начинает рассказывать.

Довольно сбивчиво и непоследовательно, но каждый из нас, слушателей, достаточно приучен к подобной манере повествования. И потому лично я достаточно быстро вылавливаю в словесном потоке посетительницы то самое рациональное зерно, которое, как ни странно, заставляет всерьез

насторожиться.

А дальше выясняется вот что. Сидящая перед нами женщина – Анна Ивановна Когтенко – живет в одном из старых многоквартирных городских домов: когда-то именно с них начиналась застройка нижней части нашего краевого центра. С тех пор прошло лет двадцать с большим хвостом, и, естественно, что получившие в них тогда квартиры жильцы ныне подошли к тому возрастному рубежу, когда надо выходить, что называется, на заслуженный отдых. Наверное, в любом городе есть такие дома, населенные чуть ли не сплошь одними пенсионерами и людьми преклонного возраста...

Так вот: по соседству с Анной Ивановной – одинокой женщиной с несложившейся семейной судьбой – живут муж и жена Назаренко, Светлана Александровна и Георгий Стефанович. Оба они – ветеринарные врачи, когда-то вместе трудились в научно-исследовательском институте вакцин и сывороток. Два года, как стали пенсионерами. Она – тихая и безропотная женщина, он – кряжистый, нелюдимый человек, не враг, что называется, бутылке. Две их дочери давно выросли, обе вышли замуж за офицеров и укатили в далекие гарнизоны, расположенные на самом краю света, где-то возле китайской границы.

Как жили супруги Назаренко? Довольно неважно. Муж нередко выпивал – скорее всего, у него сохранились кое-какие дружки, имеющие доступ к спирту. Напившись, он обязательно включал проигрыватель и без конца крутил на нем

одну и ту же пластинку:

– Шаланды, полные кефали,
В Одессу Костя привозил...

Как только начинала звучать эта пластинка, Анна Ивановна знала: Стефаныч опять залил глаза! А о степени этого заливания можно было безошибочно судить по громкости произведения песни: чем громче – тем больше...

Иногда запои экс-ветеринара кончались вполне благополучно. Но нередко они перерастали в крупные скандалы: муж заставлял жену пить вместе с ним, а у нее, знаете ли, очень больная печень.

– Игнорируешь? – вопил дурным голосом Стефаныч. – Презираешь законного супруга? А кто тебя из грязи прямым ком в князи вывел, забыла? Молчишь, значит? Так это же я тебя вывел, бездарь ты эдакая! Ах ты...

В результате подобного бурного выяснения отношений Светлане Александровне нередко приходилось искать временное пристанище у Анны Ивановны. Муж за ней следом никогда не ходил: побушевав в одиночестве в пустой квартире, разбив пару тарелок, он, как правило, укладывался спать, и даже на следующее утро просил у супруги прощения.

– Что и делать только с ним, не знаю, – прижимая к глазам черный платок, жаловалась соседка. – Никаких моих сил больше нет выносить этого алкоголика! Я уже несколько раз говаривала Светочке: разойдись ты с ним, Бога ради! Все равно ведь никакой жизни нет. Разменяйте квартиру – и де-

ду конец!

– Куда уж теперь, на старости лет-то, – с грустью улыбалась Светлана Александровна. – Жизнь, почитай, прожили. Да и двухкомнатную нашу «хрущевку» разменять трудноавто. Не идти же мне в какую-нибудь каморку без удобств?

Обычно тем разговоры соседок и завершались. Несколько дней потом бывало тихо, а затем все повторялось заново. И так – до самого последнего времени. А три дня назад супруги вдруг бесследно исчезли...

– Как «исчезли»?

– Ну, товарищ начальник, откуда же мне знать? Исчезли – и все! – несколько успокоилась, видя нескрываемый интерес к своему повествованию, Анна Ивановна. – Три дня в их квартире тихо, что в твоей могиле! А все боюсь: а вдруг что случилось?!

– Может, просто укатили куда? Временное примирение, знаете ли?.. Как Израиль с палестинцами? На какую-нибудь, скажем, дальнюю границу, дочек проведать?

– Какая уж там граница, господь с вами! – буквально взмолилась посетительница. – Они-то и за город вместе почти никогда не выезжали! А если уж приходилось как-то на пару дней куда-то вместе, на похороны к какой-то родственнице отлучаться, так Светочка мне ключ от квартиры оставляла – цветы поливать да рыбок в аквариуме прикармливать. Господи, а ведь он один раз в этот аквариум целый стакан водки вылил, будь им царствие небесное... Не знаю, товарищ

начальник, что мне и думать? А в милиции мне знаете, что сказали? – Не волнуйтесь, мол, бабушка, в жизни всякое бывает, они непременно отыщутся. А я сразу к вам и прибежала: помогите же, люди добрые, я спать не могу спокойно! А ну, сами подумайте, три дня людей нету! Три дня...

Кажется, и в самом деле, подобный сигнал нашим коллегам из райотдела никак не следовало игнорировать. Я вопросительно смотрю на Зайцева. Тот, отводя от меня взгляд, смотрит на дежурного офицера. Дежурный – опять на меня!

– Придется, – говорю я, – видно, нам тут с тобой подумать, капитан. А вы, уважаемая Анна Ивановна, можете быть свободны. Идите, а мы постараемся сами принять необходимые меры.

Расстроенная вконец женщина уходит, с недоверием взглянув мне на прощание в глаза: не обманули, чего доброго? А мы с именинником в районный отдел милиции – туда, где она побывала совсем недавно. Благо, всего один квартал...

Заместитель начальника отдела по оперативной работе майор Сергиенко выслушивает меня с подобием улыбки на лице.

– Ну что ж, – говорит он устало, – лично я, товарищ подполковник, считаю, что нам никак не следует поднимать паники. Если начнем паниковать по поводу того, что кто-то откуда-то уехал, позабыв о своих золотых рыбках, то... Кстати, товарищ подполковник, как вы намерены проверить данный

сигнал? Существует ли конституционная прикосновенность жилища, и вряд ли хозяева поблагодарят нас за взломанные двери...

Вопрос ставит меня на какое-то время в тупик. В самом деле, не подсовывать же нам «фомку» под чужие двери? Может и вправду люди уехали, а мы – тут как тут?

– Замок ломать никакой нужды нет, – вмешивается в разговор Анатолий. – Но кто, скажите мне, какая Конституция запретит нам просто заглянуть в окна квартиры Назаренко? Нехорошо, конечно, не шибко этично, но... Но если надо?

Майор снова улыбается.

– Ну, допустим, что это можно. Только их окна, судя по номеру квартиры, находятся на четвертом этаже. По водосточной трубе полезем, или как?..

И тут я не выдерживаю:

– Ну чему ты меня учишь, зачем ты меня учишь жить?

– Не надо по трубе, товарищ майор. Сейчас позвоним в ближайшую пожарную часть, пусть пришлют спецмашину. С выдвижной лестницей. Вы, поверьте мне, по ней не полезете...

– Как в романах, – снисходительно улыбается майор Сергиенко. – Ну да что же делать, надо выполнять указания начальства. Только вы уж, товарищ подполковник, не откажите поставить в известность начальника отдела. Он то же самое обязан сделать по отношению к прокурору, так что пусть уж все будет по закону.

И я звоню моему старому другу прокурору города Солодову, все еще сидящему в своем кабинете. Вкратце обрисовываю данную ситуацию. Иван Николаевич молчит, недолго, пару секунд – не больше. А потом гудит в трубку:

– Решение, полагаю, правильное. Я буду ждать результата у себя, позвоните.

– Да к чему, Иван Николаевич? Идите отдыхайте. Скорее всего, наше беспокойство безосновательно. Позвоню домой, если очень нужны будете.

– Буду ждать у себя в кабинете, – упрямо повторяет Солодов. – Позвоните сюда.

Мы доставляет огромное удовольствие окрестным мальчишкам, когда подгоняет к стене дома красную, как экзотический попугай, пожарную спецмашину. Лестница быстро и уверенно подбирается к окну квартиры Назаренко, и сопровождающий нас участковый собирается подняться по ней наверх. Но Зайцев, конечно же, опережает его.

– Я сам, – небрежно бросает он через плечо, – будучи, между прочим, уже почти на половине лестницы. – Три минуты, шеф, и мы катим по своим делам!

Но через три минуты он оглядывается на меня со странным выражением лица, машет рукой:

– Давай на лестничный марш, входную дверь я открою изнутри!

Я бросаюсь в подъезд и бегу вверх по лестничной клетке, слыша, как за спиной, на улице звенит разбиваемое Зайце-

вым стекло.

Останавливаюсь под дверью, не в силах унять сердцебиение. И дергаю за ручку: чего это он там долго копается, мой любезный друг Зайцев?

Но вот по ту сторону двери щелкает язычок английского замка. Дверь отворяется, и из нее в нос ударяет резкий неприятный запах. Он хорошо мне знаком – так пахнут начинающие разлагаться трупы.

Я вхожу, вижу в коридоре, на полочке рядом с дверью телефонный аппарат. Подхожу к нему.

– Прокурора в известность поставлю я. Оперативную группу тоже вызову. А ты, Толя, давай-ка быстренько понятых. Желательно мужчин, с ними хлопот меньше, хоть в чувства приводить не придется.

Но Толик и так уже выскакивает в коридор – он свое дело знает прекрасно. А у меня почему-то мелькает в голове шальная, совершенно неподходящая к случаю мысль: хорош же у тебя оказался день рождения, оперуполномоченный Зайцев, которого мы в силу своей закостенелой привычки по-прежнему величаем инспектором милиции!

Лучше, кажется, и придумать ничего невозможно...

НОЧЬ В ЧУЖОЙ КВАРТИРЕ

На свете есть немало семей, главы которых мечтают увидеть своих сыновей космонавтами и великими педагогами, медиками и инженерами, строителями и капитанами даль-

него плавания. Ничего удивительного лично я в этом не вижу: есть на свете профессии, которые принято называть престижными. А какова вот она моя собственная профессия? Начну, пожалуй, с того, что я пока еще не встречал ни единой матери, ни одного отца, которые мечтали сделать бы из своего сына милиционера. И хотя работа эта бывает подчас окружена некоторым ореолом романтики, на самом деле она далеко не так романтична, как это сдается дилетанту: бесконечные сомнения, колебания, чисто физические перегрузки, риск, разезды, просто частые бессонные ночи. Прибавьте уже к перечисленному мною печальную необходимость периодически копаться в грязном белье нашей действительности, иметь дело с трупами, а также с теми, кто иногда превращает в трупы самых обыкновенных людей, – и вы поймете: работа у меня не из самых прекрасных и завидных.

За многие годы в органах внутренних дел я убедился, что порою она превращает людей в грубоватых профессионалов, заставляя их смотреть на всю окружающую жизнь с известной долей подозрительности. Таких – хоть пруд пруди, а имя им – легион! И мне искренне жаль этих людей, видящих в своем деле только одно из многочисленных средств к добыванию хлеба насущного: надо, дескать, где-то работать, вот мы и работаем!

Я видел как-то одного своего куда как маститого коллегу, который, сидя в морге, и разглядывая полуразложившийся труп женщины, превосходно жевал при этом кусок колбасы с

хлебом – ни радости, ни горя на его лице не было и в помине!

Как правило, люди подобного склада весьма добросовестны и основательны. Они никогда ни при каких обстоятельствах не дают себе права на эмоции, для них существуют только правила и нет никаких исключений из них. А коли так – у них и меньше ошибок, за которые потом очень больно бьют порой по определенному месту. Словно оно, место это, кажется начальству самым виноватым, хотя голова у нашего брата находится все-таки значительно выше его...

Да, они очень хороши и удобны, эти бесстрастные специалисты высокой квалификации.

Было время и мне хотелось, как можно скорее, стать одним из них. Но... что делать, у каждого своя песня, не всем, значит, подобное отпущено судьбой.

И, смирившись окончательно со страшными изъянами своего характера, я и до сих пор, спустя четырнадцать лет после начала своей милицейской карьеры, каждое преступление воспринимаю и переживаю по-разному. Иногда мне удастся искусно спрятать эти переживания от постороннего глаза, похоронить под какой-нибудь плосковатой шуткой, но, каюсь, все эти ухищрения помогают мало и ненадолго. Может быть, только добавляют седых волос в постепенно, к великому моему отчаянию, редющей прическе. А, впрочем, весьма возможно, что волосы эти седеют вовсе не от переживаний, а от самых обычных прожитых лет...

Говорю же обо всех этих вещах единственно потому, что

хочется сделать доступной для возможного читателя записок мое состояние в минуты, которые стали первыми, проведенными мною в квартире супругов Назаренко.

Щелкнув выключателем, я открыл дверь в ванную комнату – именно оттуда, как мне кажется, трупный запах шел сильнее всего. То, что предстает перед моими глазами, трудно поддается описанию.

Дыхание у меня на секунду перехватило, но, оглянувшись я увидел за своей спиной Зайцева, и мгновенно взял себя в руки: стой, держись, дорогой подполковник милиции! Будь достоин хотя бы просто звания настоящего мужчины!..

– Однако, неприятная ситуация, – с некоторым удивлением услышал я свой собственный голос. – Видел ли ты, Толик, нечто подобное в своей практике?

Зайцев не ответил. Он, как, впрочем, и я сам, во все глаза смотрел на лежащего в ослепительно белой ванне лицом вниз человека. Сама ванна была заполнена водой, и вода эта была неприятно красновато-бурого цвета. Я знал: это от крови, которая потемнела несколько часов спустя после совершения преступления, потеряв безвозвратно свою ярко-алую окраску.

– Да, – во имя того, чтобы только не молчать, повторяю я. – Ситуация!

Зайцев дернул меня за рукав:

– Там, в комнате, то же самое...

Мы вошли в комнату. Пожилая женщина со вздувшимся

от жары посиневшим лицом лежала на ковре посреди зала. Платье на ней было разорвано и задрано: голые сморщенные груди с неестественно огромными почерневшими сосками смотрели в потолок, острые колени обнажились. Куда-то в сторону смотрели мертвые, но все равно широко распахнутые глаза. Именно эту картину увидел Зайцев со ступенек лестницы пожарной машины, поспешив проникнуть внутрь квартиры...

Через несколько минут прибыла оперативная группа, пришли и понятые, которые от ужаса не могли вымолвить не единого слова, и, кажется, мало что поняли из моих слов об их правах и обязанностях в столь новой и неприятной роли.

В составе группы приехала и Марина Васильевна Субботина – сегодня она дежурила.

– А, мистер Шерлок Холмс уже здесь! – она едва заметно кивнула мне головой. – Значит, трепещи, преступный мир, твои часы сочтены, не правда ли? Видишь, Нечаев, мы опять с тобой встречаемся... Судьба, наверное! Так признавайтесь, что вы натворили на сей раз?

– Ерунда, – мрачно ответил я. – Ничего особенного. Просто-напросто пара убийств, хотя для медицинского эксперта и открывается великолепное поле деятельности. Прошу, Марина Васильевна, проявить ваше бесценное мастерство!

Я указал ей на дверь в ванную комнату.

– Только помните, бога ради, что кроме вас, и нам, грешным, предстоит кое-что сделать. Если можно, не уничтожай-

те, пожалуйста, по своему обыкновению, наиболее явные следы совершенного преступления.

– Чего уж там, – вздохнула Субботина, надевая белый халат, – вы ведь все равно, как правило, этих следов не находите.

– Нет правил без исключений, – парируя, я, кажется, даже рассердился на ее остроту. – Дело в том, дорогая, что мы порою, в отличие от некоторых, имеем дело и с живыми людьми тоже.

Субботина нахмурилась, дернула носом и вошла в ванную. Но ей, конечно, пришлось подождать, пока двухметроворостый и сухопарый, словно гвоздь-«сотка», эксперт Железнов делал снимки места происшествия, а затем детализировал на отдельных кадрах элементы представшей перед нами картины. Вместе с группой за дело принимаюсь и я. Удостоверившись в том, что у входной в квартиру двери стоят сержанты, и, следовательно, никто лишний к нам не проникнет, я расставляю людей, постаравшись определить главные задачи каждого.

Отчасти все это, наверное, со стороны покажется махровым формализмом, но как прикажете иначе провести следственные действия, осуществляемые «в целях обнаружения следов преступления и других вещественных доказательств, выяснения обстановки происшествия, а равно и иных обстоятельств, имеющих значение для дела»? Ведь именно трактует наши задачи статья 178 Кодекса, а значит, я обязан без-

оговорочно подчиняться выработанным в течение многих десятилетий канонам осмотра места происшествия. А они, названные каноны, требуют, чтобы в подобном случае для обеспечения более полного охвата объекта, мы производили осмотр по спирали – от центра к границам исследования. Это – так называемый эксцентрический метод, имеющий ярко выраженный центр. Чаще всего – труп.

Я бы, конечно, так поступил и на сей раз. Но как быть, если этих центров два – один в ванной, а второй в комнате?

– Заприте двери в комнаты, – распорядился я. – Сержант, будьте добры, без моего ведома никого больше туда не впускать. Товарищ Железнов, вы закончили? Прошу учесть, что альбом с фотографиями нужен будет уже утром... А мы займемся пока мужчиной.

Я совсем было вступил в ванную, как на пороге появился прокурор.

– Ну, – спросил он недовольным голосом, – дела, вижу, идут?

Увидев перед собой Ивана Николаевича, я останавливаюсь: по закону Солодов имеет сейчас право взять руководство всеми следственными действиями в свои руки. Но старик, поняв мое промедление, только недовольно кашлянул:

– Давай, Андрей, действуй сам. Я со стороны посмотрю, вот тут постою, у окошечка, подумаю.

Он нередко поступал подобным образом. С одной стороны, это хорошо – доверяет прокурор уголовному розыску. А

с другой – плохо, приходится рассчитывать на самого себя, ни за чью спину не спрячешься.

И я вошел в ванную... Через несколько мгновений к нам с Зайцевым присоединяет свои усилия Субботина. Выпустив воду, мы осторожно поворачиваем лицом кверху – это было не самое приятное из зрелищ!

Кровавое пятно на белом полотне рубашки находится слева, примерно на уровне четвертого ребра, почти под самой рукой. Предмет, которым была нанесена эта страшная рана, лежал здесь же, на дне ванны – это был самодельный финский нож с наборной рукояткой из желтой, зеленой и синей пластмассы, изготовленный, хотя и кустарным способом, но с достаточно высоким уровнем мастерства.

– Скорее всего, смерть наступила в результате удара ножом, – негромко говорит Субботина, – а утопление уже по-смертно. Но пока об этом говорить с уверенностью рановато.

Зато о причинах смерти женщины она высказалась куда более категорично.

– Ее задушили, – Субботина указала на темно-коричневое пятно, растекшееся по всей окружности шеи. – Причем, скорее всего, сделали это просто руками...

Последний факт проливает некоторый свет на происхождение повреждений одежды, на необычное положение трупа.

Уже через пару часов я счел возможным отправить оба трупа в городской морг. Мы распахнули окна, и вечерний свежий воздух хлынул в комнаты, постепенно вытесняя

душливый запах, от которого лично у меня кружилась голова и постреливало в висках.

Ненадолго мы с Зайцевым вышли на лестничную клетку. Иван Николаевич присоединился к нам, достав из кармана порядком измятую пачку «Астры»:

– Угощайтесь.

Он всегда угощал нас своими дешевыми, «термоядерными» сигаретами, но я не помню случая, чтобы кто-нибудь взял предлагаемую ему от чистого сердца отраву, которую сам Солодов, впрочем, всем другим отравам на свете.

– Спасибо, – ответил я. – У меня свои, «Стюардесса».

Мы молча задымили.

– Ну, – спросил негромко Солодов. – Что думаешь?

Я пожал плечами:

– Рано думать, ничего ведь пока неизвестно. Одно несомненно – факт преступления перед нами.

– Да, – согласился прокурор, – это верно. Ну, раз уж ты на него волею судеб вышел, прошу тебя и заняться делом вместе с нашими следователями самым основательным образом. С твоим начальством я договорюсь, не беспокойся. Только смотри: здесь, сдается мне, немало сомнительных вещей, чтобы они тебя не ввели в заблуждение.

– Попробую, Иван Николаевич.

Солодов кивнул большой седой головой:

– Попробуй, мил друг, всенепременно попробуй. Главное – мелочей не упусти. Ну и мы со своей стороны, конечно,

вовсю стараться будем...

Он уехал и увез с собой Субботину. А мы остались – продолжать работу, которой, судя по всему, в ближайшие часы конца не предвиделось.

На кухне мы обнаружили стоявшую на столе пустую бутылку из-под водки и два стакана. На тарелке – остатки рыбных дешевых консервов в томате, высохшие до степени подметки. В холодильнике еще полбутылки и кастрюля с супом.

Не менее старательно ползал молчаливый Железнов по полу, пытаясь высмотреть сохранившиеся следы возможного преступника, если таковые, разумеется, существовали в природе.

Но следы эти, как ни странно, на практике находятся гораздо реже, нежели в кинофильмах. В случаях же, когда сделать это все-таки удастся, следователю легко быть умным. Узнав, к примеру, что длина обнаруженного следа равна двадцати семи сантиметрам, он умножает эту цифру на семь и с непередаваемым апломбом сообщает: «Рост преступника составляет сто восемьдесят девять сантиметров, либо что-то около этого». И все случайные зрители улыбаются с одобрением и восторгом: «И как это удалось определить современному детективу?!». Они не предполагают, что вся заслуга тут – в хорошем знании школьной таблицы умножения.

А вот мне почему-то всегда не везет! И сейчас по потной физиономии Железнова я прекрасно понимаю: опять двадцать пять! Опять – «реальных следов преступления не об-

наружено».

Но Железнов продолжает неумолимо ползать уже по ковру, и вдруг понимаю, почему на брюках этого унылого неразговорчивого человека всегда образуются пузыри на коленях. Это, если только так можно выразиться, профессиональное заболевание его брюк...

– Продолжаем работу, – огорченно говорю я. – Давайте осматривать документы и вещи. Надо непременно установить, похищено ли что-нибудь из квартиры.

Время, кажется, уже перевалило за полночь, но нервы до предела напряжены и спать не хочется. Упаковав и приготовив для лабораторного исследования посуду на кухне, мы переходим в зал.

Зайцев в течение нескольких минут своим универсальным ключом открывает замки на шкафах, ящики письменного стола.

– Порядок! – говорит он. – Поехали дальше!

От статистического обследования мы постепенно переходим к динамическому – сдвигаем с места отдельные вещи, перекладываем предметы. Работаем как самые настоящие грузчики – буквально в поте лица.

В одном из ящиков стола я вижу небольшую шкатулку, которую и открываю. Пять золотых обручальных колец (откуда, скажите, у нас взялась эта мода – собирать золото «на черный день»? Ведь любая беда, даже всенародный голод не приходят сразу – с завтрашнего, скажем, дня. Сначала исче-

зает одно, потом другое). Свернутая вдвое пачка денег. Вместе с понятыми пересчитали – четыреста семьдесят пять рублей.

Понятые, кстати, два старика, убитые горем и растерянные. Ловлю себя снова на мысли: они не понимают, для чего нам в подобной неприятной ситуации понадобилось пересчитывать чьи-то деньги...

– Послушай, Анатолий, – спрашиваю я, – ящики все были на замках?

– Все до единого!

Это уже для меня странно. Если здесь имело место убийство, то преступник, наверное, попытался бы взять хоть что-либо из квартиры «на память» о своих жертвах. Ведь в шкапулке – золото, деньги. А, судя по всему, ящики никто даже не пытался вообще открыть...

К шести утра мы заканчиваем работу. Железнов молча собирает свое криминалистическое хозяйство, а мы с Зайцевым смотрим красными, как у белых кроликов, глазами друг на друга: мы не обнаружили в квартире ровно ничего сколько-нибудь достойного внимания.

Опечатать квартиру – дело одной минуты, и мы усаживаемся в машину, катим напрямиком на работу.

– А что, Анатолий, – интересуюсь я, опять же единственно ради того, чтобы хоть что-нибудь говорить, – твой арабский коньяк с тобой?

Анатолий молча щелкает замком «дипломата» и протяги-

вает мне пузатую бутылку с яркой этикеткой. Я беру ее в руки, разглядываю наклейку, даже зачем-то нюхаю металлическую крышку. И отдаю назад.

– Ну вот, – усмехается капитан. – Оба, значит, посмотрели, а пить так и не стали.

– Ничего, Толя, – успокаиваю я его. – Ты обязательно сохрани эту бутылку. Как только покончим с сегодняшним делом, так сразу ее и усидим. Всю усидим, до последней капли.

Зайцев кивает в знак своего полного согласия и снова прячет бутылку в «дипломат». В тишине машины громко щелкают два замка.

РАЗБИТАЯ ВЕРСИЯ

Когда я был еще мальчишкой и зачитывался знаменитым «Золотым теленком» Ильфа и Петрова, мне особенно запомнился там один эпизод. Помните, как толпа окружила в городе лжеслепого Паниковского? Над ним уже совсем была десница Закона, как Остап Бендер, обрядившись в милицмейскую фуражку с гербом города Киева, решительно врезался в толпу.

– Вот этот? – сухо спросил Остап, толкая Паниковского в спину. – Этот самый, – радостно подтвердили многочисленные правдолюбцы. – Своими глазами видели. Остап призвал граждан к спокойствию, вынул из кармана записную книжку и, посмотрев на Паниковского, властно произнес: – Попрошу свидетелей указать фамилии и адреса. Свидетели, запи-

сывайтесь! Казалось бы, граждане, проявившие такую активность в поимке Паниковского, не замедлят уличить преступника своими показаниями. На самом же деле при слове "свидетели" все правдолюбцы поскучнели, глупо засуетились и стали пятиться. В толпе образовались промоины и воронки. Она разваливалась на глазах. – Где же свидетели? – повторил Остап. Началась паника. Работая локтями, свидетели выби- рались прочь, и в минуту улица приняла свой обычный вид.

Казалось бы, почему имело место подобное странное явление? Откуда, из каких темных и мутных перекрестков и перекатов истории пришла к нам боязнь быть свидетелем по делу, а то и просто дать показания, которые могут оказать реальную помощь следствию?

К сожалению, она откуда-то все-таки пришла и уходит назад почему-то не намерена, несмотря на то, что в правовом государстве, которое мы созидаем в поте лица своего, правовой статус свидетеля будет еще выше.

Но что уж греха таить! Один руководитель предприятия подозрительно косится на своего подчиненного, проходившего свидетелем по делу, и в его глазах так и светится невысказанное: «Откуда это ты, голубчик, видел в половине второго ночи пьяную драку на городской улице? Небось, и сам с дружками в каком притоне или подворотне пьянствовал, сам хорош, сам гусь лапчатый...»

А вот одна бабушка как-то сказала мне вполне честно и откровенно:

– И-и-и, милоч, ничего-то я не помню, о чем ты меня пытаться изволишь. А то и вспоминать не хочу, тоже правда. Еще чего, по своей стариковской тупости выложу, а они-то мне в бок ножичка и дадут, ножичка-то в бок...

Ладно, то была бабуся, и я ей вполне прощаю. Тем более, что в свое время она в гимназиях не обучалась. А вот как быть с теми, которые обучались? И даже не в старых гимназиях, а вполне современных и респектабельных институтах, университетах, академиях даже? Почему им приходится втолковывать прописные истины, чуть не на коленях умолять обещать, «гарантировать безопасность»? Да потому что есть еще среди нас люди, ко всему равнодушные и закостенелые.

Убили? Ну и что из того? Не меня ведь – знакомую... Обокрали? Ладно. Не меня же – соседа...

И вот передо мной – тип из этой самой породы. Наверное, у себя на работе он слывет человеком уважаемым и достойным всяческого доверия, пишет стенгазету и выступает на партийных собраниях. А вот передо мной он – неразговорчив, колюч и насторожен – человек, сам себя превративший в некое подобие ржаного, заплесневелого сухаря, который нипочем не размочить даже в крутом кипятке, ни за какие деньги не размочить!

– Значит, Василий Васильевич, – в который раз скучным голосом спрашиваю я, – несмотря на то, что вы живете прямо над квартирой Назаренко, и даже были в этот вечер в своей

квартире, вы все-таки ничего не слышали?

– Не слышал, – сухо отвечает он. – Я в чужие дела нос совать не обучен. Так что не обессудьте, ничего я не знаю, ничего не ведаю.

– Но возможно вы видели, как кто-нибудь из супругов Назаренко пришел в тот вечер домой? Или наоборот, вышел из дому?

– Я ничего не видел. Ничего не знаю.

– А как жили между собой Назаренко?

– Не знаю.

– Говорят, Георгий Стефанович в последние годы злоупотреблял алкоголем?

– Не знаю. Ничего не знаю.

– А где вы работаете, Василий Васильевич?

– Ничего я не знаю, – автоматически отвечает он с нескрываемой неприязнью в голосе, но, вдумавшись задним числом в суть вопроса, спохватывается: – Извините, на шестнадцатой автобазе. Главбухом.

– Что ж, Василий Васильевич, – вздыхаю я, – идите, вы свободны. Откровенно говоря, не завидую я вашим коллегам.

– Это почему? – поворачивает он голову на тонкой шее.

– Не знаю. Ничего я не знаю.

Недоуменно пожав плечами, он выходит из кабинета участкового, где я временно обосновался. Он ушел, вполне уверенный, что избежал серьезных неприятностей, и что его

наверняка хотели «втянуть» в какую-то скандальную историю.

Тоже мне типчик!

Бессонная ночь и поведение этого стареющего дурня приводят меня в раздражение, и я, чтобы успокоиться, поднимаюсь со стула, прохожу взад-вперед по кабинету.

Обычно я предпочитаю вести беседы со свидетелями в привычной для них обстановке – на работе, дома. Там люди, как правило, легче идут на разговор, быстрее раскрываются – в том, видно, им родные стены, как всегда, помогают. Но на сей раз я изменил своему правилу: апартаменты участкового находятся по соседству с домой, где имело место преступление. Тяжесть же его была столь огромной, что я и так рассчитывал на полное взаимопонимание со стороны собеседников.

Мой помощник – участковый уполномоченный лейтенант Васильков – оказался толковым парнем. Он быстро, в коротких и точных словах обрисовал мне всех, кто живет в одном подъезде с Назаренко, обеспечил их явку. И вот теперь я сижу за его столом...

Успокоившись немного, открываю дверь:

– Пожалуйста, следующий!

Входит уже знакомая мне Анна Ивановна. Под глазами у нее – синие круги страха. Но пришла она ко мне, насколько я понимаю, вовсе не для того, чтобы сообщить нечто новое: все, что знала, она выложила еще вчера в управлении. Сего-

дня же она поставила целью кое-что разузнать у меня.

– Ах, боже мой! – воскликнула она. – Неужели вы так и не найдете, кто убил Светочку?

– Во всяком случае мы очень постараемся сделать это, – холодно отвечаю я. – А теперь вспомните, пожалуйста, дорогая Анна Ивановна, ровно четыре дня тому назад, то есть седьмого августа, не слышали ли вы в квартире соседей каких-либо подозрительных, либо просто необычных звуков?

– Нет, не слышал, – скороговоркой отвечает она. – А как по-вашему, какой-такой подлец убил Светочку? Я лично думаю, что это сделал он сам, изверг Назаренко. Вечно, знаете ли, пьяный, как зюзя, омерзительная такая личность! Да еще и Светочку заставлял пить с собой за компанию, а у нее, знаете ли, такая больная печень...

Про печень и зюзя я уже слышал и потому поднимаюсь с места, всем своим видом показываю Анне Ивановне, что считаю наше свидание оконченным.

– А что же все-таки будет тому, кто убил Светочку? – не понимает моего настроения, упрямо продолжая сидеть, посетительница. – Я бы повесила его прямо на базарной площади. А вы?

– Вполне солидарен с вами, – отвечаю я и протягиваю ей руку. – До свидания, Анна Ивановна, мы весьма благодарны вам за бдительность и помощь. Если понадобится, мы вас побеспокоим.

Она неохотно протягивает мне руку, поднимается со сту-

ла. Чувствую: мое поведение ей не нравится. Но в дверях она снова останавливается, открывает широко глаза:

– Боже мой! – патетически восклицает она. – А вдруг ее убил кто-нибудь из жильцов нашего дома? Как полагаете? Я бы вам очень рекомендовала учесть это вариант!

– Учтем, обязательно учтем, спасибо за хороший совет, – прощая, я даже слегка подталкиваю ее к двери, взяв под локоток. – Вы только не волнуйтесь, сделаем все, как надо. Следующий, пожалуйста!

Передо мной – невысокого роста мужчина с коротко подстриженными аккуратными седыми усиками и двумя рядами орденских планок на сером пиджаке.

– Александрович. Это – фамилия. А зовут Сергеем Петровичем, – отрывисто представляется он. – Знаю, молодой человек, отлично знаю, что вас интересует. Сам был четыре года народным заседателем. Готов незамедлительно сообщить вам сведения, которыми я располагаю.

– А вы ими располагаете?

– Да, располагаю, – скромно, но с гордостью в голосе произносит он, пожимая плечами. – Иначе я просто не стал бы отнимать у вас столь драгоценного времени. Итак, вас интересуют события вечера седьмого августа?

– Вы, кажется, угадали.

– В таком случае, хочу поставить вас в известность, что в интересующий вас вечер в квартире Назаренко была попойка.

– Откуда вы об этом знаете?

– Я живу аккуратным образом под ними, – усмехается Александрович, – хочешь-не хочешь, а принужден слушать то, что в их квартире происходит. Уши ватой, знаете ли, не приучен затыкать.

И слава богу, что не приучен! Хоть один что-то слышал... Я вопросительно смотрю на него. Мужчина устраивается на стуле поудобнее.

– Вы позволите, я произведу курение? – и, не дожидаясь моего разрешения, достает из кармана пачку старомодного «Казбека». – Не могу, поверите ли, отвыкнуть. Хотя сейчас в шестьдесят пять лет негрешно и отказаться от данной губительной привычки. Поверите ли, сердчишко начало пошаливать, давление прыгать... У вас с давлением, надеюсь, все нормально? Это хорошо, молодой человек.

Он с наслаждением закуривает, а я предусмотрительно подсовываю ему пепельницу.

– Так что же у них было?

– Да-да, – спохватывается он. – Что было? Попойка, молодой человек. Они шумели, ругались. Балконы у них и у меня были открыты, а я несколько раз выходил курить, и все, поверите ли, слышал. Она упрекала его в постоянном пьянстве, а он кричал, что скоро убьет ее.

– Не припомните, в каких именно выражениях?

– В каких? Позвольте, позвольте... Да, он кричал, что непременно убьет ее, и ему за это ничего не будет, так как он

принимал активное участие в Великой Отечественной войне. Потом... Ну, потом что-то не вполне цензурное... Глупости, словом.

– Глупости, – со вздохом соглашаюсь я, начиная понимать, что супруг, кажется, во всем случившемся невиновен. – Но почему же ничего не слышала их другая соседка, Анна Ивановна?

– Ха! – иронически усмехается Александрович. – И что эта уважаемая дама могла слышать? Для того, чтобы слышать, надо находиться, как минимум, неподалеку от места, где идет разговор. А все наши пенсионерки в погожие вечера вон за тем столиком, в дальнем углу двора юбки протирают, жир в задах наращивают, да нам, грешным, кости перебивают... В лото режутся до поздней ночи, а их кавалеры за другим столом «козла» забивают. Они на крышку даже лист железа приколотили, чтобы больше шума от каждого удара было.

– Жилец снизу тоже забивал «козла»? Ваш сосед?

– Все мы в одном подъезде – соседи... Но вообще-то он – из другой породы. Он ведь пока еще даже работает. И, по-моему, – Александрович доверительно наклоняется к моему уху, – по-моему, работает он не совсем благородно.

– Это в каком же смысле? По женской части слаб, что ли?

– Ворует! – убежденно восклицает Александрович, – наблюдая, какое впечатление его вывод произведет на меня. – Он всех знакомых талонами на бензин за полцены обеспе-

чивает! Где он их берет, те талоны, как вы считаете? Не сам ведь печатает!

Я пожимаю плечами и делаю пометку в блокноте: не мешало бы, в самом деле, попросить ребят из службы БХСС, чтобы проверили подпольную хозяйственную деятельность главбуха.

– В тот вечер, кроме голосов самих супругов Назаренко, не слышали ли вы голосов, принадлежавших третьим лицам? Были ли, короче говоря, у ваших соседей гости?

– Не, – выдыхает с некоторым огорчением Александрович. – Чего не слышал, того сочинять не стану. По-моему, они были вдвоем.

Оформив протокол, громко читаю его и даю Сергею Петровичу на подпись:

– Ознакомьтесь, пожалуйста.

– Зачем же? – удивляется он. – Вы читали – слушал я вас внимательно. Все так и было, как вы записали.

И ставит внизу размашистую огромную подпись. Я тут же невольно улыбаюсь: почему это у людей маленького роста всегда длиннющие, с удивительными хвостами и экзотическими росчерками подписи? Возможно, в этом сказывается их стремление к некоему самоутверждению, желание хоть в чем-то доказать свое несомненное превосходство над другими смертными.

– Следующий!

– Следующий!!

– Следующий!!!

На последний мой призыв входит сам лейтенант Васильков. Он смотрит на меня глазами, цвет которых целиком и полностью подтверждает справедливость носимой им фамилии, и говорит:

– Все, товарищ подполковник! Больше никого нет.

– Разве мы опросили всех, кто живет в одном подъезде с Назаренко?

– Всех взрослых, – подтверждает он. – Тринадцать квартир.

– А их в подъезде пятнадцать. По три на этаже. Опросили тринадцать. Где еще одна? – интересуюсь я, впрочем, без всякого энтузиазма.

– Ерунда, – отвечает Васильков, – для вящей убедительности даже рукой махнув. – Не представляет никакого интереса. На самом первом этаже живет гражданка Барварина. Она ничего не могла слышать или видеть.

– Старуха?

– Да нет, наоборот, только она сейчас на море укатила, – отвечает Васильков. – Уже несколько дней назад. Соседи говорят, что в Сочи, но точно этого никто не знает. Оттуда же я ее вытащить не могу?

Я киваю в знак согласия головой, складываю в папку бумаги, и чисто механически интересуюсь:

– А когда же она все-таки уехала?

– Дня четыре назад. Во всяком случае, до всех этих... со-

бытий.

– А что она за человек?

Участковый смеется:

– О, это человек из песни! Знаете, есть такая русская народная – «Молодая вдова в хуторочке живет»?

– Вдова? – вежливо поддерживаю я разговор с офицером.
– И вправду молодая?

– И даже красивая. Тридцать два года, помоложе вас будет. Вышла лет семь назад замуж за одного отставного полковника, которому, разве что, в дочки годилась. Вселилась в эту его квартиру. Лет пяток назад возлюбленный супруг повелел ей долго жить, а сам отошел в лучший мир.

– Наверное, он сделал это, не имея на теле ни единого, свободного от рогов и рожек места, – смеюсь я.

– Это уж как пить дать. Тут сомневаться не приходится. Очень общительная дамочка.

– Жаль.

– А что ей было делать? – вскидывает ресницы Васильков.
– С этим дедком чай по вечерам пить, да его воспоминания о Семене Буденном слушать, а самой по ночам холодный душ принимать, да? В девицах, будучи замужем, остаться?

– Не будьте циником, лейтенант, – зеваю я. – Впрочем, ты меня неправильно понял. Жаль, что она все-таки укатила. А то бы зашли в гости, познакомились.

Васильков смеется:

– Это можно, она гостям всегда рада. Даже мне. Как при-

катит – сразу вам позвоню.

На том и кончился опрос свидетелей. Мало он мне дал, очень и очень мало!

– Почти ничего, – задумчиво подводит итог моей вылазке Иван Николаевич. – Что ж, так тоже бывает...

Он смотрит отсутствующим взглядом в угол кабинета, потом берет со стола пачку «Астры», протягивает мне:

– Одолжайся.

– Спасибо. У меня свои. «Стюардесса».

Мы молча дымим в течение какого-то неопределенного промежутка времени, а потом Солодов поднимается с кресла:

– Вот помню, – говорит он, – сразу после войны тоже довелось расследовать одно дело об убийстве. Женщину убили. С месяц, поверите ли, вертелся вокруг да около, пока...

Он глубоко затягивается и начинает кашлять. А я незаметно вздыхаю: опять начались воспоминания! Любит, ох как любит наш прокурор ссылаться на «дела давно минувших дней». Но что поделаешь, слушать надо!

– Пока, – успешно справившись за пару-тройку минут с приступом кашля, продолжает Иван Николаевич, – пока не установил, что из ее квартиры убийца все-таки взял одну-единственную вещь.

– Какую же? – без особого интереса, из чистой вежливости спрашиваю я.

– Фотографию он взял, сукин сын! Ее фотокарточку! Ну

а потом, как только это явлению было мною установлено со всей очевидностью, остальная операция, сам понимаешь, заняла считанные дни. Живо нашелся отвергнутый убитой ревнивец. Офицер бывший, трофейный «Вальтер» в дело пустил, подлец...

Он снова умолкает, что-то сосредоточенно чертит на листе бумаги и говорит:

– Послушай, Андрей, – спрашивает, как бы, между прочим. – А все-таки какова твоя рабочая версия.

– Убийство.

– Только и всего? Мне почему-то кажется, что больше... Убийство с последующим самоубийством. Пили вместе, потом поскандалили. Потом он ее задушил. И, напугавшись содеянного, покончил собой.

Солодов резко откидывается на спинку кресла, снова закуривает. В кабинете становится совершенно сизо от дыма.

– Можно, – не выдерживаю я, – открыть окно.

– Ага, – отвечает он равнодушно. – Давай-ка мы с тобой, Нечаев, коротенько проиграем твою версию. Значит, ты – Георгий Стефанович. Ты только что убил жену. Входи в его шкуру. А я буду задавать вопросы. Поехали?

Это – один из любимейших приемов Солодова, его знаменитая «игра». И, несмотря на кажущуюся простоту, она частенько приносит немалую пользу в наших делах. Потому я и киваю головой в знак согласия.

– Начали?

– Да.

– Итак, ты задушил жену. Решаешь покончить собой. Твои действия?

– Иду на кухню и допиваю водку. Для храбрости, как все в подобных случаях. Оттуда топаю в ванную комнату.

– Стоп, братец кролик! Почему это в ванную? Почему ты не можешь совершить задуманного в зале или спальне?

– Рядом с покойницей? Покорнейше вас благодарю. Да, может быть, мне неприятно даже после смерти лежать рядом с ней? Мы ведь и при жизни давно спали в разных комнатах, до такой степени она мне осточертела! Если бы я скрылся с места преступления, поверьте совести, ее фотографию не взял бы, даже под угрозой смерти!

– Вполне допускаю. Но почему тебе понадобилась именно ванная комната? И почему ты напустил в ванну воды?

– Напустил, чтобы дело было вернее. Если удара ножом окажется недостаточно, захлебнусь.

– А почему орудием совершения преступления ты выбираешь именно нож?

– Ружья у меня нет. К сожалению, в обществе охотников и рыболовов не состою.

– Все-таки, может быть, веревка для тебя оказалась бы надежнее?

– Я – ветеринар, следовательно, ножом пользуюсь лучше, нежели веревкой. Мне ведь приходилось и препарировать, и забивать животных. Кроме того, прошу не забывать, что я

уже в достаточной мере пьян.

– Так, так. Довольно логично. Значит, – Солодов решительно выходит из «игры», – значит, ты выдвигаешь в качестве основной своей версии убийство?

– Да, пока во всяком случае. Вспомните показания свидетеля: Назаренко открыто угрожал жене убийством.

Солодов улыбается:

– Да, об этом я совсем забыл. Но только ведь никак нельзя сбрасывать со счетов одну старую истину. Бояться следует не того, кто публично вопит «Держите меня, я сейчас зарежу этого человека!». Бояться надо того, кто идет тебе навстречу, молча, но с ненавистью в глазах. Этот может и зарезать.

– Не сбрасываю со счетов и подобный вариант. Впрочем, честно признаюсь, считаю наш разговор пока что беспредметным: эксперты до сих пор не сказали своего последнего слова.

– Да, – поднимается Солодов, – пойдём-ка мы в порядке прогулки наведёмся к Железнову. Он хвалится, что нашел в квартире Назаренко великое множество самых разных отпечатков. Посмотрим?

Железнов только молча кивает головой в ответ на приветствие. Мы усаживаемся и начинаем старательно разглядывать сильно увеличенные и усиленные отпечатки пальцев. Сначала – несколько эталонных – они взяты у трупов. У мужа – самый простой завитковый узор, у жены – так называемая «улитка».

Железнов, дав нам волю полюбоваться ими, заменил снимки новыми. И я уже без всякого эксперта безошибочно определяю: это – его, а то – ее. Но вот передо мною появляется третий вариант отпечатков – спираль.

– Откуда? – спрашиваю.

– С дверной ручки в ванную.

– Чей?

– Капитана Зайцева. Таких много.

Я тяжело вздыхаю: вечно Зайцев оставляет свои пальчики там, где они совсем нежелательны! Иван Николаевич, понимая мое возмущение, сочувственно улыбается.

– А это чей!?! – теперь я вижу отпечаток с новым видом рисунка папиллярных линий большого пальца – изогнутая петля.

– А этот – ваш, – коротко и убийственно вежливо отвечает Железнов. – С поверхности шкафа. Таких тоже много. Еще больше, чем зайцевских.

Солодов крепко хлопает меня по плечу, так, что стул, на котором я восседаю, противно взвизгивает от перегрузки.

– Еще есть какие отпечатки? – осведомляется он, желая поскорее покончить с неприятным для меня разговором.

– Только разновидности уже вам известных.

Обескураженный и до нельзя расстроенный, Солодов идет по коридору рядом со мной, внимательно глядя себе под ноги.

– Ничего, братец кролик, – говорит он. – Следы ведь свой-

ственно оставлять не только преступникам, но и порядочным людям тоже. Не боги мы, чай, не ангелы! По воздуху не летаем, и предметы, к сожалению, передвигаем не взглядом, а просто руками...

Мы снова возвращаемся к нему в кабинет. Там, поджидая нас, уже сидит Зайцев, на которого я смотрю с известной долей сочувствия.

Иван Николаевич степенно усаживается в кресло, нажимает на кнопку звонка:

– Заключение медицинской экспертизы по делу Назаренко готово? Очень хорошо, прошу вас принести. Сейчас.

– Что ж, орлы, – покровительственным тоном говорит он, – ваша версия, кажется, находит свое подтверждение, если исключить из числа подозреваемых лиц ваши особы, то никаких других посторонних впечатков в квартире не обнаружено. Так что вполне вероятным кажется убийство с последующим самоубийством. Лично я больше не вижу в том ничего невероятного. Поэтому давайте-ка мы и примем данную версию в качестве отправной.

– Не надо.

Все втроем мы поднимаем взгляды Субботину – ведь это она произнесла «не надо». А она почему-то смотрит на меня, только на меня одного. И в ее выразительных калмыцких глазах я явственно читаю... да, черт меня побери! – я читаю в них сочувствие, даже жалость по отношению к себе.

– Ну, Мариночка, – Солодов словно не замечает моей рас-

терянности. – Что там у тебя? Выкладывай, дорогуша.

– Вот заключение, – она протягивает Солодову папку.

– Суть которого, дорогуша? – спрашивает он почти ласково.

– Суть которого заключается в том, что Назаренко не мог нанести себе подобную ножевую рану, ставшую причиной его смерти. Для этого ему бы пришлось поднять левую руку, вот так, – она высоко поднимает руку. Легкий рукав падает, обнажив загорелую красивую руку до самого плеча. Зайцев больно толкает своим смазным сапожищем под столом. Но мне сейчас не до Субботиной, не до цвета ее загара.

– Почему же, – возражаю я. – Почему же он не мог и поднять руку, коли таково было желание покойного?

Марина улыбается на мой вопрос, несколько даже виновато.

– Понимаешь, Андрей, – отвечает она, – направление удара... Словом, если бы он ударил бы себя сам, трасса, оставленная в теле лезвием ножа, должна была бы пройти несколько выше и обязательно отклониться в сторону спины. Она же проходит вверх с отклонением в сторону груди. А это, как ты понимаешь, значит, что Назаренко ударили ножом сбоку, несколько снизу. Рука его в момент удара оказалась поднятой. Возможно, он пытался защищаться, оказать сопротивление нападавшему на него убийце... Ну, это уж дело не мое.

Я слышу в собственных ушах какой-то подозрительный

звон. Вероятнее всего, это разлетаются на мелкие осколки хрупкие стекляшки только что столь блестяще разработанной мною версии.

Иван Николаевич только удовлетворенно кивает головой, словно ничего другого услышать он и не надеялся.

– Спасибо, Мариночка! – говорит он. – Большое спасибо! А что скажешь насчет супруги?

– Удушение. Тут сомнений никаких быть не может. Вскрытие показало застой крови в голове, перелом подъязычной кости и гортани. Кровоизлияния в мышцах находятся слева от гортани – именно там, вероятнее всего, лежал большой палец правой руки убийцы. В легочной плевре пятна Тардье, какие бывают только у людей, очень быстро задохнувшихся. Ее, конечно же, задушили.

Иван Николаевич вздохнул.

– Да, – сказал он, и мы с Зайцевым перемигнулись, почувствовав, что старик, кстати, в совершенстве знающий историю всей мировой криминалистики, садится на своего любимого «конька», – да, это факт, не подлежащий сомнению. Кстати, други мои, наши с вами предшественники на ниве криминалистики не имели многого из того, чем мы располагаем мы сегодня. Но они были великими тружениками, хотя каждое их достижение, на которое мы зачастую опираемся и сегодня, стоило им титанических трудов. Румын Минович, к примеру, проверял свои теоретические соображения о состоянии и чувствах повешенного на самом себе. Да, да!

В 1904 году он вешался несколько раз, и помощники вынимали его из петли бездыханным. Вот видите, нам хоть этого делать не надо... А вы слышали о деле Вебер?

– Кажется, – неуверенно мямлит Зайцев. – А может, я ошибаюсь, что-то путаю...

– Напрасно путаешь, – нравоучительно поднимает палец кверху Солодов. – В 1905 году француженка Вебер, одержимая приступами садизма, задушила несколько детей своих ближайших родственников. Тогда, как вы понимаете, следователи не располагали еще знаниями, которыми мы с вами вооружены теперь. И они не смогли доказать, что преступления в действительности имели место. Но в 1908 году Анна Вебер призналась в их совершении добровольно. И, попав в так долго тосковавшую по ней тюремную камеру, задушила себя сама, своими собственными руками! Может быть, кто знает, при этом она испытывала какое-то подобие наслаждения... Да, дорогие мои коллеги! Мы с вами должны быть достойны великой и славной памяти наших предшественников. И потому должны раскрывать преступления безошибочно, точно и быстро. Вы слышите меня: точно и быстро?

Солодов перевел дух, несколько виновато посмотрел на Субботину:

– Ну вот, опять завелся... Спасибо тебе, Мариночка, большое спасибо. Ты свободна, голубушка. А я продолжу еще беседу с этими вот молодыми людьми.

Мы остаемся одни. Иван Николаевич долго копается в од-

ном из многочисленных ящиков своего гигантского стола, а потом, наконец, достает из него какие-то бумажонки.

– Я так просто, – говорит он, – между делом, поинтересовался личностями убитых в институте вакцин и сывороток, где они оба когда-то работали. Как ни странно, а отзывы о нем намного лучше, нежели о ней. Она, как свидетельствуют сведущие люди, – баба-пила, каких, к сожалению, на святой и грешной Руси великое множество. А он – обаятельный трудовой человек, пользовался в коллективе уважением, его даже в профком несколько раз избирали. Фронтовик. Несколько лет назад спас тонущего мальчишку. Тот выбрался на лед, чтобы покататься на коньках, а тот возьми да тресни. Потом Назаренко даже в больницу к мальчишке навещался. А пить он начал уже на пенсии, после того как остался в квартире наедине с женой, когда дочери разъехались. Но в общем и целом, я думаю, он вряд ли способен на убийство.

Если бы мне вылили в этот момент на голову ведро ледяной воды, я, кажется, был бы искренне благодарен сделавшему это человеку! Но воды на темечко никто не лил, и я почувствовал, как уши мои загораются двумя красными стоп-сигналами, и даже как будто становятся несколько длиннее, как у всем нам хорошо известного животного.

– Да, – не желая замечать моего состояния, продолжает Иван Николаевич, – все мы грешим порою тем, что воспринимаем того или иного человека, как бы это сказать... несколько однобоко, что ли. Раз закладывает за воротник –

значит, нечего в нем и искать хорошее. А ведь в каждом из нас есть как положительный, так и отрицательный заряд. И нам пренебрегать ни тем, ни другим никак не пристало. Иначе не будет гореть лампочка нашего мышления, будем словно слепцы бросаться из стороны в сторону, спотыкаясь и падая в темноте!

Когда Солодов переходит на подобный, несколько возвышенный стиль разговора, это значит, что он очень и очень чем-то недоволен. Впрочем, сейчас это прекрасно читалось и по выражению его лица.

Молчание наше после произнесенной стариком тирады затягивается, слышно, как противно жужжит в кабинете одинокая муха, до сих пор еще не вытянувшая ноги от солодовской «Астры» и полного отсутствия хоть чего-то съестного.

– Вот что, – изрекается наконец Иван Николаевич. – Нужно, я полагаю, провести повторный осмотр места происшествия. Необходимо все это сделать без промедления, прямо сейчас.

– Проведем, – киваю я. – Только позвольте вначале ознакомиться с вашими записями.

Солодов протягивает мне пару листков, исписанных вкривь и вкось его бегущим и падающим влево почерком:

– Разберешь?

Он не знает, что нужда всему научит, даже разбирать его немислимые, неповторимые каракули.

Читаю. Все то, о чем он только сейчас нам говорил. В са-

мом конце – короткая фраза: «В день ухода на пенсию гр. Назаренко сослуживцами был подарен портфель с серебряной гравированной монограммой».

Я останавливаюсь, словно громом пораженный.

– Да, – говорит Солодов снова, словно желая убедит самого себя в справедливости принятого решения. – Без повторного осмотра никак не обойтись. Вдруг преступник и вправду взял себе на память какую-нибудь «фотокарточку»?

– Взял, – сердито отвечаю ему я. – Конечно, взял!

– Откуда знаешь, – поднимает в удивлении густые белые брови Солодов.

Я тычу пальцем в его же каракули, и он мгновенно понимает все.

– Портфеля, стало быть, вы в квартире не нашли? Тогда идите и установите, что именно унес преступник в этом портфеле. Сам по себе он ему не нужен! Поди, он уже и поистрепался от времени, лоска товарного не имеет. Значит, он понадобился преступнику просто как упаковка, тара. А вот что он туда упаковал, пожалуйста, и установите! За то вы деньги получаете. Ели надо, возьмите еще в помощь моего следователя Сергеева, он сейчас относительно свободен, а это дело, как вижу, никакого отлагательства не терпит. Вопросы ко мне?

Стоит ли говорить, что, получив одну за другой сразу три сокрушительных нравственных оплеухи, я чувствую себя не совсем в своей тарелке. И даже того не в своей, что стоящий

у окна в коридоре Субботиной приходится окликнуть меня по имени дважды, чтобы я не прошмыгнул мимо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.